

КНИГА ПЕРВАЯ

I

Господи, помилуй!

Если это был ад, то он выглядел куда страшнее, чем в самых мучительных его кошмарах.

Время, наверное, около полудня. Безжалостное, сжигающее все вокруг, солнце стояло в зените. Повсюду на сотни километров нет даже намека на тень или на каплю воды. Только песок. Раскаленный песок. Старик в кардинальском облачении знал, что совершил ужасную ошибку, но теперь ее уже не исправить.

Смирится ли он или продолжит свой нелегкий путь, больше не имело никакого значения. Его внутренности превратились в пылающий огонь, а взор заволокло темной дымкой. Он уже не осознавал ничего вокруг, и тут его ноги подкосились, и он упал навзничь на горячий песок.

Господи, помилуй!

Кардинал Эдуардо Фонтана открыл пересохший рот, чтобы произнести молитву, но из его уст

вырвался лишь бессильный шепот: «...Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим... Ибо Твое есть Царствие, и сила, и слава во веки...»

Старик закрыл глаза. В тот же миг он почувствовал, что тело его преисполнилось невиданной легкости. Вдали показался удивительно знакомый силуэт. Казалось, что человек просто стоит и терпеливо чего-то ждет. Затем он распростер руки, от которых исходил лучистый свет. Внезапно кардинал узрел невозможную неземную красоту, все оказалось намного прекраснее, чем он когда-либо представлял. Наконец-то! Наконец-то он дома.

II

Председатель Папской комиссии, статсекретарь кардинал Рикардо Ломбарди, резким движением распахнул створки окна своего огромного кабинета и закурил сигариллу. Сейчас ему просто необходима пара крепких затяжек, даже несмотря на то, что в Губернаторском дворце, да и во всех остальных помещениях Ватикана, в течение многих лет строгойше запрещено курить. Ломбарди втайне

пренебрегал этим запретом. Разумеется, все папское государство находится в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО, и очевидно, что в залах вроде Сикстинской капеллы невозможно установить современную противопожарную систему, но все же с какой стати ЮНЕСКО вмешивается во внутренние дела суверенной территории? Видит Бог, он не считал себя ретроградом, но раньше жизнь была устроена намного лучше: Пий IX, сам заядлый курильщик, построил в Ватикане сигаретную фабрику, Бенедикт XIV отменил налог на табак, а избрание нового папы и по сей день знаменуют клубы белого дыма. Однако с две тысячи второго года повсюду развесили эти таблички *Prohibetur uti fumo*¹, а нарушителей штрафуют на тридцать евро. В этом есть что-то нелепое.

Ломбарди сделал глубокую затяжку и решительно выдохнул сизый дым в прозрачный воздух ватиканских садов. Затем резко повернулся и пристально посмотрел в глаза своему секретарю, монсеньору Фабиани, который с безутешным видом стоял в комнате чуть поодаль.

¹ Курить запрещено (лат.) — Здесь и далее примеч. перев.

— Так, попробуем еще раз, успокоившись. Возможно, я недостаточно ясно выразил свою мысль...

Секретарь попытался улыбнуться, из-за чего стал выглядеть еще более несчастным, чем раньше. Он осторожно откашлялся.

— Ваше высокопреосвященство, я совершенно согласен с вами, что эти апартаменты и по размерам и по прекрасному расположению как будто специально созданы для того, чтобы достойно разместить одного из недавно назначенных кардиналов, однако... Тем не менее это совершенно исключено... Эти апартаменты занимает синьор Кавелли.

Сигарилла развеяла досаду Ломбарди, он терпеливо улыбнулся и возразил.

— Ну почему же? Я распоряжусь, и этот человек переедет в другие комнаты.

Фабиани нервно сглотнул.

— К сожалению, боюсь, это вне вашей власти, ваше высокопреосвященство.

Кардинал безмолвно уставился на секретаря. Неужели тот совсем лишился разума? Ломбарди, конечно же, занимал свой пост всего лишь одиннадцать дней и, бесспорно, еще не проник во все тонкости, касающиеся его нового положения,

однако неоспоримым фактом было то, что он теперь заместитель папы. С трудом сдерживая гнев, Ломбарди сделал глубокий вдох, прежде чем ответить, стараясь не повышать голос:

— Послушайте, Фабиани, в стенах Ватикана я могу делать все, что сочту нужным, и никто, кроме святейшего отца и самого Бога, не обладает такой властью, чтобы мне противоречить.

Бледные губы секретаря слегка задрожали.

— Совершенно верно, ваше высокопреосвященство. Никто, — проговорил он хрипло и добавил тихим голосом: — Никто, кроме синьора Кавелли.

III

Немного пап оставили такой яркий след в истории, как Джулиано делла Ровере, более известный как Юлий II. Одно из первых его деяний заключалось в том, что он под угрозой самого сурового наказания запретил прибегать к подкупу во время избрания главы католической церкви.

Эта практика всегда являлась скорее правилом, нежели исключением. Что уж говорить,